

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай II.

Его Императорское Величество
Король Великобританіи и Ирландіи,
Императоръ Индіи Георгъ V.

Его Королевское Величество
Король бельгійскій Альбертъ I.

Августѣйшіе Братья по оружію.

Гг. подписчиковъ „Нивы“, находящихся въ районахъ военныхъ дѣйствій, или выбывающихъ въ таковыя районы,

Контора журнала проситъ, во избѣжаніе пропажи номеровъ, извѣщать во-время о перемѣнѣ адреса. Лица, не имѣющія возможности теперь же указать новый адресъ, благоволятъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Конторы для временной пріостановки имъ высылки журнала впредь до сообщенія адреса.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 28 коп. и печатный адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Заявленіе.—Рѣчь Государя Императора.—Великая европейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій).—Кто японцы? Очеркъ Н. Илсарова.—Варвары. II. Иѣмские офицеры во Франціи въ 1870 г. Очеркъ Б. Никонова.—До свиданія на позидяхъ Разсказъ Ивана Осгрового. (Оковчавіе).—Галицкая пѣсня. Стих. Георгія Иаанова.—Женеаская копація. (Къ 50-лѣтію со дня ея подписанія).—Объявленія.
РИСУНКИ: Августѣйше Братя по оружію.—Высочайшее посѣщеніе Москвы. (4 рис.).—Москва встрѣчаетъ Царя. У Кремля, на Красной площади.—Англійскій флотъ, расположенный близъ Портсмута. Англійскій король Георгъ V и адмиралъ Каллаганъ.—Генераль Джонъ Френчъ, главнокомандующій англійской десантной арміей.—Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, главнокомандующій англійской колониальной арміей.—Члены Императорской Фамиліи, находящіеся въ рядахъ арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій.—Французскій адмиралъ Буз-де-Лапекьеръ, командующій соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ Средиземномъ и Адриатическомъ моряхъ.—Вѣсти съ войны.
На этомъ № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ нн. 4.

Рѣчь Государя Императора

представителямъ дворянства, города, земства и купечества, произнесенная въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, 5 августа с. г.

„Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ извѣрѣніямъ, надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой. Я, по обычаю Державныхъ Предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святыхъ московскихъ. Въ стѣнахъ древяго Московскаго Кремля, въ лицѣ вашемъ, жители дорогой Мнѣ Первопрестольной Москвы. Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду—и на мѣстахъ, въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Советѣ—единодушно откликнувшійся на Мой призывъ встать дружно всей Россіей, откинуть распрю, на защиту родной земли славянства. Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились едино все безъ различія племена и народности великой Имперіи Нашей, и вмѣстѣ со Мной никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія. Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всемъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца Русской Земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ Нами поднявшимся за поправки начала мира и правды, горячій привѣтъ! Съ нами Богъ!“

На пути слѣдованія Ихъ Величествъ у городской думы.—Ихъ Императорскія Величества при выходѣ изъ часовни Иверской Божіей Матери

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Высочайшее шествіе изъ Успенскаго собора въ Николаевскій дворець.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Августѣйшими Дочерьми и Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елисаветой Теодоровной, посѣтившіе Солдатенковскую больницу 7 августа с. г.
По фот. К. Фитера.

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Великая европейская война.

(Хроника военных действий).

Болше или меньше решительные события на театре военных действий начались несравненно скорее, чем можно было ожидать. Сосредоточение огромных армий прошло чрезвычайно быстро, и не какая-нибудь 2—3 недели он уже успел совершить для важных операций, которые еще не решают вопроса о победе, но несомненно отразятся на всем дальнейшем ходе войны. Рассчитывая на медленность нашей мобилизации, Германия выставила на нашей границе только 6 корпусов, остальные же 20 корпусов бросила на Бельгию и Францию в надежде одним ударом сокрушить нашу союзницу и затем направить на нас все свои силы, перебросив победоносные полки в течение какой-нибудь недели с запада на восток. Для того, чтобы выиграть время и по возможности помешать нашей мобилизации и сосредоточению наших сил, германские корпуса должны были вторгнуться возможно глубже в наши пределы, внести сумятицу высадкой десанта на Балтийском побережье где-нибудь возможно ближе к столицам и затем уже постепенно отступать под напором нашей армии до подхода разгромивших Францию корпусов.

К счастью для Европы, выполнение немецкого плана оказалось неудачным во всех его частях. Вместо того, чтобы пройти в шесть дней Бельгию, армия генерала Эмиха потеряла два недели под стенами Льежа и понесла ряд опустошительных поражений по всей линии первоначального, плохо подготовленного, наступления. Только тогда, когда маленький Бельгия была затоплена полумиллионной армией бельгийцев, по соглашению с союзниками, сняли живую заслонку своих полков и, не используя для защиты холмистых окрестностей Брюсселя из опасения обхода, отвели свою армию в огромный укрепленный лагерь Антверпена. Занятие столицы бельгийцев отпраздновали, как победу, и тотчас же обложили Брюссель огромной контрбатареей в 200 миллионов франков, но, в сущности, никакой победы они не одержали, так как уступка незащищенного Брюсселя вызвала только стратегические соображения. Бельгийская армия сдала свое дело, батарея исполнила назначение первого заслона, под прикрытием которого безпрепятственно совершалось сосредоточение французских сил, и будет теперь висеть за неприступными укреплениями Антверпена, как угроза, в тылу правого фланга немецкого наступления. В своем движении вперед французы встретят теперь живую стену французских и английских штыков. Даже при необходимости оставить заслонку против Антверпена численность немецких полков на этом фронте все-таки несколько превышает силы союзников, но это преимущество несколько уравновешивается возможностью использования обороняющимися укреплений Намюра и преимуществ оборонительной тактики, позволяющей всюду вести бой из-за земляных окопов.

В настоящую минуту сражение между главными силами немцев и французов идет уже по всей линии с ясным преобладанием счастья из сторон обороняющихся. Им много помогла удачная диверсия генералиссимуса Жоффра в вид вторжения в Лотарингию, которое стало французский корпус в тылу германского наступления. Немцы вытеснили слабый отряд французов из Лотарингии обратно почти к самой границе, но для этого они были вынуждены отвлечь от главного театра военных действий четыре или пять корпусов и ослабить свое численное преимущество. Французское вторжение в Эльзас не имело характера стратегической диверсии и было поведено с большими силами. Вынужденные первоначальноступить занятые слабыми отрядами Кольмарь и Мюльгаузен под напором двух германских корпусов, французы сосредоточили затем здесь больше значительные силы и посты решительных боев снова заняли и Кольмарь и Мюльгаузен и отбросили немцев к самому Рейну. Однако решающее значение для первого периода войны имеет исход сражений не в Эльзасе и не в Лотарингии, а на бельгийском театре войны по линии расположения немецких и англо-французских войск. Повидимому, некоторый перевес в первых боях, особенно под Намюром, передовая линия которого была взята атакующими, склоняется на сторону Германии. Официальная реляция французского правительства говорит о неизбежности общего отступления французов и англичан не только во Бельгии, но также и в Эльзас-Лотарингии. Армия генерала Жоффра будет отступать на заранее подготовленную позицию, непрерывно получая новую подкрепления. Для того, чтобы добраться до Парижа, представляющего собою огромную крепость, обложение которой требует миллионной армии, немцам потребуются огромный приток сил и не менее трех месяцев времени, но необходимость вести борьбу на восточном фронте не даст им ни того ни другого.

Расчеты немецких стратегов на медленность русской мобилизации тоже оказались совершенно ошибочными. Быстрый ход ее не позволил генералу Притвицу развить наступление на нашу границу. Занятие Калиша, Ченстохова, Суваляк, Верж-

болова, Плоцка получило характер многолетнего набего. Русские силы сами быстро перешли в наступление и во многих пунктах вторглись в территорию противника. Отбив Вержболово, они заняли Эйденбург, разрушили кавалерийскими отрядами питающую его железнодорожные линии и с самого начала заложили здесь основу для прочного развития своих удачных наступательных операций. После трехкратного отражения усиленного немецкого наступления на Эйденбург мы сами перешли в наступление и нанесли решительное поражение трем германским корпусам на широком фронте в 40 верст. В разгар боя германцы пытались охватить наш правый фланг и, с целью усилить обходные колонны, ослабили свой центр; но железная стойкость правого фланга позволила нам благополучно выдержать бешеный натиск, а решительная атака на Гумбинне победоносно провала германский центр.

Уже 4 августа потрясенный огромными потерями неприятель начал общее отступление по всему фронту, оставив нам много пленных, раненых, пушек, пулеметов, боевых запасов и провиантских складов. Купленная кровавою ценою блестящая победа при Гумбинне имеет огромное стратегическое значение. Она отдает в нашу власть всю восточную привислинскую Пруссию и открывает дорогу для движения на запад в обход Мазурских озер с укрепленными перешейками. Разбитые германские корпуса лишились способности к энергичному сопротивлению и сбито отходят на северо-запад, частью к Кёнигсбергу; на поддержку им двинуть данцигский корпус, и даже, может быть, будут сбито двинуты те имперские резервы из Лейпцига, Берлина и западной Германии, которые должны были бы усилить наступление на Бельгию и Францию. Понятно, почему наша победа вызывает такую шумную радость у наших союзников. Ее стратегическое значение усиливается еще тем, что ее юга в обход первой линии тех же Месенских озер из Ломжинской и Плоцкой губ. в пределы германской территории вторглась другая русская армия, занявшая ряд городов: Зольдау, Найденбург, Виленбург и Ортельсбург. Она идет наперерез отступлению разбитых немецких войск, открывает для удара фланг второй и третьей линии озерных укреплений и грозит отрезать сообщение всех немецких сил восточной Пруссии с империей. Германские корпуса сжимаются с двух сторон железными тисками и будут вынуждены или сбито отступать, бросая все свои, считавшиеся неприступными, укрепления с громадными складами оружия и провизии, или же рисковать очутиться в плену. Двойное наступление широких фронтов в сто верст, начавшееся уже на 17-й день со дня объявления войны, угрожая во всем дальнейшем развитии центру Германии, страшно невыгодно отзовется на германских операциях западного фронта.

Одновременно мы очень удачно перешли в наступление и против северной части Австрии, открывающее пути для еще более глубоких вторжений в незащищенную со стороны Австрии германскую территорию в тыл и фланг оборонительных армий. До сих пор сопротивляемость австрийских войск в рядах мелких столкновений была довольно слабой. Австрийцы легко отступают и охотно сдаются в плен. Трудно предположить, чтобы в предостереженных более крупных боях они обнаружили большую устойчивость. Объявленный в Австрии призыв к поголовному ополчению увеличить, может быть, численность австрийской армии, но не ее боевую мощь.

Как и предвидели специалисты, Австрия не способна оказать значительной поддержки Германии. Уже в первый же месяц войны она понесла решительные поражения от сербов в районе Шабца, между Дриной и Савой. Разгром австрийской армии, потерявшей свыше 30.000 убитыми и ранеными, 5.000 пленных, около 100 орудий и до 40.000 ружей, множество боевых припасов и даже полковые кассы, был несравненно более жестокий и полный, чем знаменитое поражение под Содоной.

Австрийской армией командовал фельдмаршал Франк, сербской — воевода Путник, находившийся в Крагуеваце.

Путник крайне скуп на реляции, и в течение восьми дней он томил Сербию. Все его донесения правительству ограничивались одной фразой: „На театре войны все благополучно“.

Только на восьмой день он сообщил подробности боя, а часть свое донесение так:

„Сербское войско одержало большую победу.“

Взятие штурмом Шабца, это — уже начало конца. Знаменательно, что в Шабанском сражении участвовала только одна треть действующей сербской армии. Остальные части, еще нетронуты огнем, готовы вступить в австрийские пределы и защищать свою родину от всяких попыток со стороны Балкан. Вместо с русской победой при Гумбинне сербская победа при Шабце означает собою благоприятный оборот начавшейся европейской борьбы в пользу славян.

Москва встречает Царя. У Кремля, на Красной площади. По фот. А. Савельева.

Кто виноват?

Очерк Н. Инсарова.

Трудно предугадать, чьмъ кончится война Германіи и Австріи со всей почти Европой и даже съ Японіей, но если опираться на логику вещей и событий, сравнить и подвести итоги, то нельзя не признать, что начавшаяся война грозитъ Австріи и Германіи чрезвычайными послѣдствіями. Уже подсчетъ количества армій и флотовъ, морского и воздушнаго, говоритъ самъ за себя.

Нѣмцы, конечно, какъ одинъ человекъ, стануть въ ряды своей арміи и исполнять свой долгъ до конца, но у нихъ итъ теперь того сліянія, того подъема, того окрыленія, которое несло ихъ по полямъ битвъ во времена Седана, Вѣрты и Садовой. Ихъ встрѣтитъ теперь неисчислимый, многоплеменный врагъ, идущій во имя самообороны, во имя избавленія Европы отъ нѣмецкаго засилья, отъ грубого попранія права и человечности, отъ вѣчной угрозы нарушенія мира и отъ постоянного страха за свои владѣнія, къ которымъ простиралась безцеремонная рука изъ Берлина.

Но вся ли Германія такова? Все ли нѣмцы только и думаютъ о безредьномъ расширеніи своего отечества и о подчиненіи Пруссіи всехъ частей свѣта? Врядъ ли это такъ. Въ своей послѣдней статьѣ, озаглавленной: „Der Krieg“ („Война“), извѣстный журналистъ Максимиліанъ Гарденъ обращается къ благоразумнымъ, не потерявшимъ равновѣсія, нѣмцамъ. Онъ говоритъ, что теперь наиболее разумная и сознательная часть націи повторяетъ на все лады: „Германія обезумѣла“. Но не слѣдуетъ отождествлять Германію съ тѣми, кто руководитъ ея судьбой. Гарденъ предостерегаетъ Европу отъ такого умозаключенія и говоритъ, что это было бы огромной ошибкой, и послѣдствія этой ошибки могутъ отравить всю жизнь Европы на цѣлыя десятилѣтія.

„Германія не исчерпывается прусскимъ юнкерствомъ, вѣнскимъ надъ ней командо и готовымъ безоглядно вести ее къ пропасти. Есть Германія сознательная и разумная, умѣющая понять и отбѣнить положеніе. Ея голоса мы не слышимъ,—да и смѣетъ ли она его подать? Но подавить его въ своемъ сознаніи она не можетъ. Игра начата съ безумнымъ легкомысліемъ, и каждый новый шагъ свидѣтельствуетъ о немъ. Точно понавший въ калпаки, ошестившійся, дрожащій отъ безыліяго бышества, зѣбрь, лязгающій зубами направо и налево, чья въ каждомъ зрителѣ прага и злобно догадывающаея о непоправимой бѣдѣ“.

Гарденъ недоумѣваетъ передъ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ въ Германіи, и, взглянувъ на события послѣднихъ дней, онъ съ грустью вопрошаетъ: „Неужели ослышеніе правящихъ круговъ Германіи такъ велико, что они не видятъ, что за дубожомъ все то, что дѣлается въ Германіи, производитъ впечатлѣніе ряда оглушительныхъ нравственныхъ ударовъ? Неужели эти удары,—говоритъ онъ,—были предумыслены, и на нихъ шли сознательно? Но тогда это какой-то неистовый порывъ безграничной самоувѣренности. Нѣмецкій народъ не сдѣлалъ бы этого безумнаго шага, если бы онъ не былъ загнипнотизированъ, если бы ему не лгали, если бы его не обманывали и не дурачили. „Смотрите,—обращается онъ къ своимъ соотечественникамъ:—на то, что есть, а не на то, чьмъ васъ морочать“. Зло смѣется талантливый публицистъ надъ всѣми, кто думаетъ, будто Россію, „выдержавшую татаръ и турокъ, Бонапарту и Наполеона“,—эту Россію, не изолированную за Байкаломъ, а стоящую въ замкнутой боевой линіи рядомъ со своими друзьями, можно „такъ вѣрно поразить въ сердце, что она будетъ обезсилена хотя бы на 10 лѣтъ“. „Неужели,—спрашиваетъ Гарденъ,—кто-нибудь считаетъ британцевъ настолько слѣпыми и ожидаетъ отъ нихъ, что они съ благоговѣніемъ сложными руками останутся спокойно сидѣть въ своихъ клубныхъ креслахъ до тѣхъ поръ, пока ни одна континентальная держава и даже ни одинъ союзъ державъ не будетъ въ состояніи оспаривать господство нѣмецкой имперіи, чья дремлюты скоро сравнятся по числу съ англійскими, отъ чьей милости тогда будетъ зависѣть судьба Циндіи?“

Германія обезумѣла, Германію толкаютъ въ пропасть, но „горе тому, кто игралъ такими высокими предметами и вмѣсто того, чтобы выяснитъ цѣль борьбы и значеніе ея, только услаждалъ свое тщеславіе!“ Кто же этотъ вдохновитель политики авантюры, политики, не принимающей въ расчетъ дѣйствительныхъ интересовъ страны, а видимо тѣшащій свое личное тщеславіе? Конечно, тотъ, въ рукахъ котораго находятся по законамъ страны война и миръ, т. е. императоръ Вильгельмъ II. Онъ бросилъ сейчасъ перчатку Европѣ, и бросить ее кичливо, легкомысленно и дерзко. Но бросить перчатку еще не значитъ выиграть поединокъ. Гарденъ говоритъ, что французы готовы обидать корою побѣдоносному вождю. А необъяденный Гогенцоллернъ — не рискуетъ ли онъ той же короной?

Центральной фигурой этой роковой войны является фигура Вильгельма II. Онъ приковывается теперь къ себѣ взгляды всего міра, и всякій поступокъ его прошлоаго и настоящаго, всякое его слово имѣетъ несомнѣнное значеніе и уясняетъ событія и политику Германіи, а вмѣстѣ и причины, вызвавшія европейскую войну.

Вотъ почему мы задались цѣлью привести нѣсколько рѣчей и

фактовъ изъ жизни императора Вильгельма, дополняющихъ его портретъ и объясняющихъ, почему онъ велъ Германію, а вмѣстѣ съ нею и Австро-Венгрію, по торному пути неустаннаго вооруженія и милитаризма и привелъ всю Европу къ войнѣ.

Вильгельмъ II получилъ хорошее образованіе, много работалъ, учился, и нѣмецкій народъ возлагалъ на него большія надежды, предполагая въ лицѣ молодого императора встрѣтитъ сына Фридриха III. При вступленіи на престолъ Вильгельма II печать Германіи и Европы говорила, что эпоха „огня и желѣза“ иаложила свое неизгладимое клеймо на весь строй политической и соціальной жизни Германіи, и что теперь нѣмецкому народу предстоитъ длинный рядъ усилій, чтобы устранить изъ общественной и государственной жизни ту острую политику, которая внесена была людьми, много и славно поработавшими для осуществленія идеи нѣмецкаго единства. Но задача эта можетъ быть выполнена безъ глубокихъ внутреннихъ потрясеній только въ томъ случаѣ, если новый императоръ Вильгельмъ II сознаетъ, что та внутренняя и высшая политика, которая была пригодна и, быть-можетъ, даже необходима въ періодъ созиданія имперіи, вовсе непримѣнима тогда, когда государственная жизнь вошла или должна была войти въ болѣе или менѣе нормальныя условія существованія.

Къ сожалѣнію, надежды нѣмецкаго народа и Европы не оправдались, и въ лицѣ Вильгельма II союзныя государства Германіи получили императора, стремящагося къ безграничной власти, человека тщеславнаго, склоннаго преувеличивать свои положительные качества, человека задорнаго, неспокойнаго, не считающаго ни съ волей народа ни съ достоинствомъ союзныхъ государей. Рядъ фактовъ, рѣчей императора и отдѣльныхъ его выражений даетъ основаніе для подобной характеристики его, какъ правителя и человека.

Во время восшествія на престолъ Вильгельма II нѣмецкіе чиновники всехъ классовъ, во всехъ союзныхъ государствахъ носили на фуражкахъ кокарды цвѣта своего государства. Это не понравилось юному императору, не считавшему уже съ первыхъ шаговъ своего царствованія съ тѣмъ, что Германія представляетъ собою союзъ нѣмецкихъ государствъ; онъ приказалъ, чтобы выше федеральной кокарды была другая, для всехъ однородная: кокарда императорскихъ цвѣтовъ. Но и на этомъ онъ не остановился и выказалъ только момента, чтобы окончательно устранить все федеральныя значки. Событія въ Китаѣ дозволили ему добиться въ этомъ направленіи новаго успѣха. Германскимъ войскамъ на Дальнемъ Востока была дана особая форма и при ней широкополая шляпа, одинъ изъ краевъ которой былъ залхватски приподнятъ на манеръ шляпы бурной. Вотъ на этотъ-то пловскій бокъ шляпы императоръ и налѣпилъ громадную императорскую кокарду и, не рѣшаясь окончательно покончить съ федеральной кокардой, помѣтилъ ее подъ своей кокардой, сдѣлавъ ее еле замѣтной и рѣшивъ, видимо, ждать случая уничтожить и послѣдніе слѣды этого знака федерации.

Съ удивительной послѣдовательностью Вильгельмъ II вытравляетъ все, что мѣшаетъ ему выдвинуть себя и свой императорскій титулъ на первое мѣсто. Въ концѣ 1899 года онъ приказалъ уничтожить изображеніе орла на германскихъ почтовыхъ маркахъ, а вмѣсто орла помѣтилъ свое изображеніе. Однако союзныя государства остались недовольны этимъ приказомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ духомъ германской конституціи, и скромно, но однако рѣшительно запротестовали. Дѣлать было нечего; Вильгельму II пришлось уступить, но уступилъ онъ только иаполовину. На маркахъ была изображена вмѣсто орла вышетка съ фигурой Германіи: однако лицо Германіи получило такое огромное сходство съ императрицей, супругой Вильгельма, что императоръ почти утѣшился въ томъ, что ему не удалось замѣнить собою орла. Впрочемъ, и до сихъ поръ императоръ не оставляетъ въ покоѣ нѣмецкія марки, и не такъ давно онъ избралъ слѣдующій девизъ для новыхъ марокъ: „Nur einig, einzig, einig“ („Только союзны, союзны, союзны“). Все это, конечно, мелочи, но мелочи очень показательныя, свидѣтельствующія о томъ, что нѣмецкія государства мѣшаютъ Вильгельму, и что его стремленіе: уйти отъ „союзности“ къ цезаризму. Одинъ писатель говоритъ, что „онъ (императоръ) желалъ бы видѣть въ союзныхъ государствахъ только свой блестящій генеральскій штабъ; титулъ императора союза кажется ему мелкимъ, и итъ сомнѣнія, что именованъ повелителемъ „германцевъ“ пріятнѣе для его слуха, нежели именованъ повелителемъ „нѣмцевъ“.

Австрію Вильгельмъ II, раздѣляющій взгляды пангерманцевъ, рассматриваетъ, какъ часть своей имперіи, пока еще не вошедшую въ составъ Германіи. Онъ зорко слѣдитъ за австріяцами и особенно за ихъ арміей. Состоя въ спискахъ полковникомъ венгерскихъ гусаръ, Вильгельмъ пользуется ежегоднымъ полковымъ праздникомъ для того, чтобы являться въ Вѣну и производить тамъ военный смотръ. Однако ведетъ онъ себя на смотру не какъ „почетный полковникъ“, а какъ главнокомандующій австріяской арміи. Такое отношеніе императора исполнило наконецъ австріяскій дворъ и австріяскій генеральскій штабъ. Чтобы пре-

Английский флот, расположенный близ Портсмута, заключающий в себя 24 дредноута, 35 броненосцев, 18 броненосных крейсеров и свыше 100 других судов.

кратить ежегодные визиты императора и его тщательные смотры, гусарский полк был внезапно перемещен в глубь Венгрии, и уже с 1898 года Вильгельм II перестал совершать свои традиционные поездки в Вьену. Но равнодушным к этому он не остался, и престарелому Францу-Иосифу пришлось в мае 1900 года самолично явиться в Берлин, извиниться перед Вильгельмом, свалить все на графа Туна и произвести германского императора в самый высокий чин австрийской армии.

В своих речах император Вильгельм проявляет себя в еще большей мере, чем в своих поступках. Следя за речами императора из года в год, мы видим, как он становится все больше и больше властными и указывают на быстрый рост притязаний немецкого государя. Начал он свои многочи-

Английский король Георг V и адмирал Каллагань.

сленные речи относительно скромно, а уже в начале 1896 года гордо заявил: „Германская империя стала империей мировой“ („Aus dem deutschen Reich ist ein Weltreich geworden“). То есть, провозглашенный императором Вильгельмом II в Берлине 18 января 1896 года.

Но почему Германская империя так быстро выдвинулась на первое место? Усилиями народного учителя, успехами промышленности и торговли, трудолюбием населения, любознательностью и бережливостью? Ничуть. Император прекрасно знает, что все это пустяки, и что только сила позволяет расширять, поддерживать и развивать великую империю. В своей речи к гвардии в 1898 году он громко провозглашает это: „Опираясь на армию — говорит император: — и надеясь на нашего Всемогущего Бога, я предпринял свою трудную задачу, прекрасно зная, что армия — главная опора моей страны и самый прочный оплот прусского трона“.

При таком взгляде на вещи надо ли удивляться тому, что Вильгельм II с первых же лет своего царствования стал готовиться к войне и нападению, намечая себя жертву среди государств Европы. В чем угодно можно упрекнуть Вильгельма II, но только не в скупости расходования государственных средств, когда вопрос касался военных издержек.

Генераль Джон Френч, главнокомандующий английской десантной армией.

Фельдмаршал лорд Робертс, главнокомандующий английской колониальной армией.

Е. И. В. Великий Князь
Дмитрий Павловичъ.

Е. И. В. Великий Князь
Борис Владимировичъ.

Е. И. В. Великий Князь
Кирилъ Владимировичъ.

Е. И. В. Великий Князь
Петръ Николаевичъ.

Е. И. В. Великий Князь Николай Михайловичъ.

Е. В. Князь Александръ
Георгиевичъ Романовскій
Герцогъ Лейхтенбергскій.

Е. В. Князь
Гавриилъ Константиновичъ.

Е. В. Князь
Константинь Константиновичъ.

Е. В. Князь
Игорь Константиновичъ.

Е. В. Князь
Юзефъ Константиновичъ.

Е. В. Князь
Олегъ Константиновичъ.

Члены Императорской Фамилии, находящиеся въ рядахъ арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Французский адмирал Буэ-де-Лапейерр, командующий совинными англо-французским флотом в Средиземном и Адриатическом морях.

Высчитано, что в поемъ первыхъ лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II издержалъ на армию и на флотъ 3,926 милліоновъ марокъ, тогда какъ дѣдъ его, побѣдитель при Седанѣ, въ послѣдніи 8 лѣтъ своей жизни изтратилъ только 4,114, что составляетъ излишекъ въ 1,812 милліоновъ марокъ.

Въ уиссонѣ съ пангерманцами Вильгельмъ II считаетъ, что въ нѣмцы, какъ живущіе въ Австріи, такъ и въ другихъ странахъ, суть граждане единой Германской имперіи, а глава этой имперіи и монархъ — Вильгельмъ II. Начиная съ 1898 года, мы можемъ замѣтить, что въ своихъ рѣчахъ императоръ все чаще и чаще говоритъ объ «единеніи и соединеніи всѣхъ германскихъ племенъ» („Dazu bedarf es der Einigkeit und Mitwirkung aller deutschen Stämme“).

Кто сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что подъ „германскими племенами“ Вильгельмъ II разумѣлъ и австрійскихъ нѣмцевъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на рѣчь императора, сказанную 3 февраля 1899 года въ Бранденбургско мѣ ландтагѣ. „Мы желаемъ дѣйствовать, — сказалъ императоръ: — такимъ образомъ, чтобы всѣ мы, германцы, могли по меньшей мѣрѣ соединиться въ одну плотную нѣмецкую нацию на далекихъ моряхъ и у насъ, въ Европѣ, будутъ разбиваться всѣ волны, угрожающія миру“. Миротлюбивое окончаніе рѣчи не смутило пангерманцевъ, и поэтому черезъ нѣсколько дней въ ихъ органѣ, руководимомъ докторомъ Гассе, рѣчь императора была комментирована съ восторгомъ и глубокой радостью. „Императоръ считаетъ, что имперія еще не закончена... Онъ желаетъ, чтобы дубъ Германской имперіи разросся еще шире. Онъ, какъ и его предки, исходитъ изъ точки зрѣнія государственной пользы. Сначала Бранденбургская марка, затѣмъ Пруссія, наконецъ Германская имперія. Что же дальше? Если онъ говоритъ обо всѣхъ нѣмцахъ, то, быть-можетъ, думаетъ и объ англо-саксахъ“.

Рѣчь въ Варменѣ доказываетъ, что предположеніе это имѣетъ несомненное основаніе. „Намъ невозможно, — продолжаетъ газета: — пройти черезъ промежуточную ступень расширенной Германіи, которая объединяетъ всѣхъ нѣмцевъ... германскій императоръ станетъ внѣ всякаго сомнѣнія императоромъ всѣхъ германцевъ“.

Подъ этой статьей могъ бы подписаться самъ императоръ. Последующіе поступки его подтверждаютъ это предположеніе. Вильгельмъ II несомнѣнно начерталъ себѣ опредѣленный политическій планъ, который неукоснительно и преслѣдуетъ. „Я нисколько не боюсь будущаго. — сказалъ онъ въ своей рѣчи въ Штеттинѣ въ сентябрѣ 1900 года: — я убѣжденъ, что планъ мой удастся. Моя воля непреклонна, я иду твердымъ шагомъ, не взирая ни на какое сопротивленіе, по тому пути, который я рѣшилъ навсегда признать правильнымъ“. (Рѣчь въ Билефельдѣ, июль 1899 года).

На кого же будетъ опираться императоръ при выполненіи своего „плана“, и почему онъ „нисколько не боится будущаго“ и не страшится сопротивленія? На армию. „Если на снѣгъ желаютъ рѣшить что-нибудь, — сказалъ императоръ: — то перо существуетъ только тогда, когда его поддерживаетъ сила меча“. (Рѣчь къ гвардіи, январь 1900 года).

Несомнѣнно, что когда императоръ станетъ „рѣшать“ вопросы силою меча, то первый вопросъ, который будетъ разрѣшенъ этимъ способомъ, коснется Австріи. Это соображеніе императо-

ромъ было тонко подчеркнуто въ августѣ 1900 г., когда въ Берлинскомъ арсеналѣ происходило освященіе знаменъ, предназначившихся для отправляемыхъ въ Китай войскъ. Вильгельмъ II по этому случаю въ первый разъ явился съ фельдмаршалскимъ жезломъ, который онъ пожаловалъ себѣ по просьбѣ своихъ генераловъ. Жезлъ этотъ имѣлъ видъ трости, длиною около метра: онъ былъ покрытъ желтой шелковой матеріей и перевитъ красной лентой съ вышитыми на ней черными императорскими орлами. Въ Германіи часто и не безъ основанія замѣчали эти три цвѣта: желтый, красный и черный: это цвѣта по Германской имперіи, а прежняго Германскаго союза и тѣхъ флаговъ, которые австрійскіе пруссофилы употребляютъ теперь въ знакъ протеста противъ знаменіи Габсбурговъ.

Тѣсно Вильгельму II не только въ своей Пруссіи, но и въ въ своей Германіи, тѣсно ему даже и тогда, когда пылкое воображеніе присоединяетъ Австрію къ его владѣніямъ. Тоскуетъ его душа по могуществу римскихъ императоровъ, повелѣвавшихъ всѣмъ міромъ и не знавшихъ предѣла ни своимъ владѣніямъ ни своей власти. Достаточно для этого прочесть рѣчь Вильгельма при закладкѣ перваго камня Заальбургскаго римскаго музея 4 октября 1900 года. „Въ нынѣшній день, — сказалъ императоръ: первая моя мысль, первое мое, полное тихой скорби, воспоминаніе посвящено исчабленному родителю моему императору Фридриху III. Заальбургскій замокъ обязанъ своимъ возсозданіемъ его энергіи, его творческой волѣ. Подобно тому, какъ на западѣ монархіи колоссальный замокъ рыцарей, насадившихъ тамъ нѣкогда нѣмецкую цивилизацію, былъ возстанопленъ и скоро будетъ оконченъ по его повелѣнію, такъ на вершинѣ очаровательнаго Тауизуса, точно финикъ, возрождающійся изъ пепла, возвышается древняя римская твердыня. Она была свѣдѣтелемъ римскаго могущества, звеномъ этой крѣпкой мѣдной цѣпи, которая связала легіоны Рима съ мощной имперіей, тѣ легіоны, которые, по повелѣнію римскихъ императоровъ Цезарей-Августовъ, предшествовали сноу волю всему свѣту и открывали весь міръ римской цивилизаціи, оказавшейся особенно благодѣтельной для германцевъ“.

Въ этой рѣчи изъ каждой фразы брызжетъ страстное и увѣренное желаніе расширить имперію до размѣровъ, ставящихъ германскаго императора въ положеніе божественнаго Цезаря-Августа.

Пріяденные здѣсь отрывки изъ рѣчей императора вполне достаточно выясняютъ стремленія Вильгельма II. Несомнѣнно, что этотъ государь надѣленъ нестерпимымъ тщеславіемъ, честолюбіемъ, и какъ онъ ни пытается не переступать границъ необходимой въ его положеніи осторожности, онъ не можетъ не выдать себя. Увѣренный и настойчивый, не знающій сомнѣній и колебаній, онъ вѣритъ въ свою звѣзду. Онъ безповоротно считаетъ себя призваннымъ возстановить древнюю Германскую имперію и соединить Гамбургъ съ Триестомъ. Онъ вѣритъ, что его смѣлое предпріятіе превратитъ его въ императора всѣхъ германцевъ, и онъ сдѣлается современнымъ Карломъ Великимъ. (Депеша къ Моммзену, октябрь 1900 года).

Наблюдавшіе настроеніе умовъ въ Германіи говорятъ, что идеи и поведеніе императора находятъ благоприятный откликъ въ общественномъ мнѣніи и согласуются съ вождѣтвѣніемъ „истинно нѣмецкихъ нѣмцевъ“. Полковника Бернгарди поддержали всѣ и рукоплескали, когда онъ произнесъ свою рѣчь въ Берлинскомъ военномъ собраніи. „Главный вождь, — сказалъ онъ: — будетъ призывать единственнымъ закономъ свои планы и свою волю. Только свободно зачатая мысль, прилѣпленная на дѣлѣ твердой и смѣлой волей, можетъ породить великія дѣла, которыя обезпечиваютъ намъ измѣняющія условія существованія людей и государствъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что о миротлюбіи Вильгельма II не можетъ быть рѣчи. Его планъ — нападѣніе и расширеніе своихъ владѣній. Даже его одноплеменный сосѣдь, Австрія — обрекаетъ въ жертву честолюбію Цезаря изъ Берлина. Вильгельмъ II рѣшилъ къ извѣстному сроку быть настолько сильнымъ, чтобы однимъ ударомъ сразить своихъ сосѣдей и сѣсть на тронъ Великой Германіи. Съ 1899 года онъ начинаетъ рѣшительную ломку армии и внезапно вноситъ въ рейхстагъ военный законъ. Начинается лихорадочная работа, и производится крупныя фортификаціонныя сооруженія.

Въ Страсбургѣ, и безъ того прекрасно защищенномъ, произведены новыя работы. Въ Мюльхеймѣ возведены два могучихъ форта. Ней-Бризакъ, близъ Кольмара, сталъ первоклассной крѣпостью. Въ Гитранжѣ, близъ Трионвиля, возводятся форты. Вокругъ Меца сооружаютъ четыре форта: фортъ „Пуанъ-дю-Журъ“, на самомъ полѣ сраженія при Гравелоттѣ; фортъ „Анси“, орудія котораго господствуютъ надъ французской пограничной станціей Багильи, на линіи Вердэнской желѣзной дороги; фортъ „Хазелеръ“ на вершинѣ Сенъ-Блэза и фортъ „Имперскій Принцъ“ на вершинѣ Горжимопа. Такія же постройки одновременно стали производиться и на русской границѣ, а именно въ Торнѣ, Кеннигсбергѣ и Бреславлѣ.

Вся эта снѣжная работа свѣдѣтельствовала и свѣдѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что императоръ Вильгельмъ подготавливалъ событія, наступленіе которыхъ онъ считалъ близкими. Росъ военный флотъ, реформировалась и увеличивалась армія, дрсировались почтовые голуби, производились фортификаціонныя работы, поспѣшно создавался воздушный флотъ.

Вильгельм II быстрыми шагами шел к своей кровавой цели, и это в то время, когда ни со стороны Франции ни со стороны России ничего не предпринималось такого, что бы могло встревожить берлинское правительство. Наоборот. Гаагская конференция привлекла всеобщее внимание, и народам казалось, что они смогут облегчить бремя милитаризма. Даже в самой Германии военный закон поразил всех, а увеличенные налоги встречены были народными массами с нескрываемым неудовольствием. Но император Вильгельм II был глух ко всему и продолжал шагать к своей цели.

Если бы на этом остановиться, то картина подготовленности Вильгельма II к войне со своими соседями была бы неполной. Теперь развернулась перед всем миром та съез коварной, двуличной, построенной на обмане, попытке, которой Вильгельм II старался опутать Францию и Россию и, готовя им гибель, играл на их доверии и вековых традициях родства и дружбы. Возводя все новые и новые укрепления на французской границе, Вильгельм II сумел сделать так, что Франция одно время склонялась к союзу с немцами. Германский император сумел усилить бдительность министров на берегах Сены, и они отошли с мечтой осуществить франко-русско-германское соглашение против Англии.

В июль 1899 года Вильгельм II очутился в гостях у французов! Это было настолько необычайно, что газета „Berliner Tageblatt“, протирая глаза от изумления, воскликнула: „Германский император на судьи французского государства! Французские гардемарины, маневрирующие перед прусским королем! Это—первое официальное действие Франции, совершенное с целью засвидетельствовать желание установить дружественные отношения с Германией...“

Удивительно, как Франция не заметила, что Вильгельм II употребляет совершенно тот же прием, как и все Гогенцоллерны. Если бы правящие круги порылись в историю своих отношений к Германии, то увидели бы, что перелом каждый крупным политическим событием Гогенцоллерны усиляли ее. Так же поступил с Францией и дядя Вильгельма II. Как известно, Вильгельм I в течение нескольких лет тянул дружеские переговоры с парижским двором и якобы налаживал союз, а в то же самое время готовил страшный удар Наполеону III и странам.

В отношении России политика Вильгельма II была такою же, хотя приемы ее иные. Германский император официально завизировал в Петербург, что он пренебрегает добрых чувств по отношению к России. Но в эти сладкие речи как-то само собою вкраплялось пожелание об обязательном разрушении франко-русского союза. Надо отдать справедливость Вильгельму II, что делал он это чрезвычайно ловко. Искусно разставленная ловушка, по крайней мере временно, лишила франко-русский

союз его первоначального характера и позволили парижским органам интернациональной печати поднять вопрос о том, существует ли в действительности союз Царя с Францией. Писались статьи о разстроившихся, якобы, русских финансах, а банкиры маленьких провинциальных городков советовали своим клиентам продавать русские бумаги. Надо сказать, что банкиры эти действовали, не понимая, на чью мельницу они льют воду. Они были лишь отголоском столичных крупных финансовых тузов, которые, повидимому, направляли свою деятельность, повинуюсь чьему-то таинственному приказу. Все это захватило общественное мнение Франции и вызвало антирусскую кампанию. Но в то время, как агенты Вильгельма старались расшатать франко-русский союз и наладить отношения с Германией, вдруг Франция узнала, что между Германией и Англией состоялось соглашение, направленное против Франции. 24 октября 1900 года император Вильгельм II произнес речь, в которой торжественно провозгласил о новом соглашении и его прочности: „Соглашение с величайшими из германских государств, исключая Германии,—скажем оны,—сдѣлается в будущем могучим вспомогательным средством для совместных усилий обоих народов на всемирном рынке, где они могут дружелюбно конкурировать друг с другом, без всякого враждебного столкновения“.

Поль Дешанель в своей речи при приеме во Французскую Академию совершенно вѣрно сказал, что Вильгельм II еще раз примѣнил по отношению к Франции все ту же политику, к которой прибѣгал Бисмарк, и еще раз попытался осуществить план „желѣзнаго канцлера“: „поссорить насъ съ Англїей, затѣмъ круто повернуть, сблизиться съ нею и оставить насъ болѣе одиокими, чѣмъ когда-либо...“

Это постоянное лавирование Вильгельма II между тремя величайшими державами привело послѣдній къ сознанию, что онъ одновременно готовить ковы противъ всехъ трехъ, замысливъ поражать ихъ по очереди, временно усыпляя остальныхъ то традиціями родственныхъ узъ правителей, то кровной близостью германской и англо-саксонской расы, то наконецъ всецѣляющей силой времени, заживляющей глубокія народныя раны, нанесенныя сорокъ лѣтъ тому назадъ. И постепенно создались франко-русскій союзъ и франко-англійское и англо-русское соглашения.

Тѣсно сомкнувшееся кольцо мира разрушало все завоевательныя планы Вильгельма II, и онъ, очевидно, не вѣрилъ въ крепость этихъ союзныхъ отношеній, рѣшилъ, что уже наступило время дѣйствовать, и обрушился сначала на сильнѣйшаго врага—на Россію.

Тотъ, кто обращался недавно къ народамъ Европы съ призывомъ оберегать свои культурныя блага противъ „желтой опасности“, надвигавшейся съ Востока, самъ превратился въ истребителя культуры, Атлantu Запада.

Варвары.

II. Нѣмецкіе офицеры во Франціи въ 1870 г.

Очеркъ В. Никонова.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы дали картину звѣрствъ и жестокостей нѣмцевъ въ 1870 г. на основаніи воспоминаній очевидцевъ. Здѣсь мы приводимъ рядъ яркихъ картинъ той же эпохи, изображенныхъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ, такъ сказать, коллективный портретъ воинствующаго нѣмца. Мы нарочито взяли художественныя изображенія, потому что они ярче и правдивѣе простыхъ реляцій и сообщеній. Художникъ даетъ намъ детально разработанныя фигуры, взятая прямо съ натуры. И намъ остается лишь избрать художника, наиболее объективнаго и наименѣе склоннаго къ тенденціознымъ преувеличеніямъ.

Такимъ художникомъ именно является Мопассанъ. Непосредственный свидѣтель всей эпохи франко-германской войны 70-го года, Мопассанъ всегда отличался рѣдкой уравниловщиной, какъ художникъ-беллетристъ. И, что всего цѣннѣе для насъ въ данный моментъ, Мопассанъ никогда ничего не „придумывалъ“: по собственному признанію, онъ все свои рассказы, все тины и образы бралъ прямо изъ жизни.

Страшная и величавая страница изъ французской исторіи—семидесятый годъ—вызвала крупную и многостороннюю литературу во Франціи. Ея изобраителями и истолкователями были, кромѣ Мопассана, А. Дода, Э. Зола и многіе изъ второстепенныхъ художниковъ. Иные изъ писателей черезчуръ поддавались историческому ненависти къ пруссакамъ и скорби по поводу разгрома отчужды. Всѣхъ трезвѣе былъ Мопассанъ, но и его упрекали въ тенденціозности. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рассказовъ французскаго новеллиста—и пусть наши читатели сами рѣшаютъ, „преувеличивалъ“-ли Мопассанъ. Достаточно сопоставить съ его изображеніями все то, что мы за послѣднее время читаемъ и слышимъ о „подвигахъ“ нѣмцевъ, чтобы притти къ убѣжденію, какъ правдивы его образы и какъ неизмѣнна душа тевтонца.

На литературное поприще Мопассанъ выдвинулся своимъ рассказомъ „Пышка“ (Boule de suif). Содержание этого рассказа цѣлкомъ взято изъ эпохи разгрома Франціи. Небольшая компа-

ния французскихъ путешественниковъ застряла на маленькой станціи по капризу нѣмецкаго лейтенанта. Лейтенантъ не желаетъ пропустить путниковъ, пока одна изъ путешественницъ—„Пышка“—не подчинится его безобразной прихоти. За „Пышку“ вступаются остальные пассажиры, люди съ большимъ общественнымъ положеніемъ. Они являются депутатами къ лейтенанту, и вотъ какъ принимаетъ ихъ лейтенантъ:

—Онъ растянулся на креслѣ, положивъ ноги на каминъ и куря длинную фарфоровую трубку. На немъ былъ халатъ яркихъ цвѣтовъ, очевидно, принадлежавшій прежнимъ хозяевамъ этого жилища. Онъ не всталъ, не поздоровался съ вошедшими, даже не глядѣлъ на нихъ. Онъ представлялъ собою великолѣпный образчикъ прирочденной грубости.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ наконецъ промолвилъ:

— Чего вамъ надо?

Графъ началъ:

— Мы желали бы уѣхать отсюда.

— Нельзя!

— Могу я узнать причину этого отказа?

— Я не желаю этого. Вотъ и все. Вы можете уходить“.

Въ этомъ рассказѣ Мопассанъ даетъ „образчикъ прирочденной грубости“ нѣмецкаго офицера. Въ другихъ рассказахъ мы встрѣчаемъ кое-что неизмѣримо худшее. Такъ, въ „Безумной“ знаменитый новеллистъ рисуетъ возмутительный по бездѣльной жестокости поступокъ офицера, не отступившаго въ своихъ жестокихъ издѣвательствахъ даже предъ завѣдомо болѣею женщиной. Нѣмецкія войска расквартированы среди мѣстныхъ жителей-французовъ. Нѣсколько солдатъ во главѣ съ лейтенантомъ, „грубымъ насильникомъ“, попали на постой къ болѣею дамѣ. Эта дама, впавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тихое сумасшествіе, все время лежитъ въ постели и молчитъ. Попавшій къ ней на жительство пруссакъ считаетъ ее „поведеніе“ оскорбительнымъ для себя: ему кажется, что хозяйка не показываетъ, что она больна, не вѣрится и отправляется къ ней самолично „поднимать ее съ постели“.

— Я прошу вас, мадам, встать и пожаловать ко мнѣ вниз!— промолвил онъ грубымъ тономъ.

Она повернула къ нему свой блуждающій взглядъ и ничего не отвѣтила.

Онъ продолжалъ:

— Я не выношу заносчивости. Если вы не встанете по доброй волѣ, я найду способъ заставить васъ прогуляться.

Она не отвѣтила ему ни единымъ жестомъ; она была все время неподвижна, какъ будто не видѣла его предъ собой.

Онъ выходилъ изъ себя, принимая это спокойное молчаніе за выраженіе высшаго презрѣнія...

На другое утро больная осталась попрежнему лежать. Офицеръ опять явился и въ гнѣвъ хотѣлъ силой стащить ее съ кровати. Но потомъ онъ впалъ въ раздумье и вдругъ, расхохотавшись, отдалъ какое-то приказаніе своимъ солдатамъ по-ѣмцки.

Спустя нѣсколько минутъ, больную вмѣстѣ съ ея постелью положили на носилки, и солдаты понесли ее въ лѣсъ. Офицеръ смѣялся и потиралъ отъ удовольствія руки:

— Посмотримъ, не пожелаете ли вы теперь наконецъ одѣться и совершить маленькую прогулку...

Солдаты оставили больную въ лѣсу и вернулись обратно. И съ той поры уже никто не видѣлъ несчастной женщины. Оккупационный нѣмецкій отрядъ былъ уведень. Наступила зима. Въ лѣсахъ бѣгали и были волки.

И лишь весной былъ найденъ обглодаанный волкомъ трупъ несчастной жертвы лейтенанта-шутника... Она такъ и лежала на своемъ матрацѣ.

Необычайно яркій и любопытный типъ нѣмецкаго офицера Мопассанъ даетъ въ знаменитомъ разсказѣ „Мадемуазель Фифи“. Здѣсь фигурируетъ уже дѣлая компанія нѣмецкихъ варваровъ, которые хозяйничаютъ въ покинутомъ французскомъ замкѣ, портятъ камни, кояры, вытаскиваютъ спрятанное столовое серебро, пьянствуютъ и насильничаютъ. Это — истинные варвары; во главѣ ихъ — маркизъ Вильгельмъ Эйрикъ.

„Съ момента вступленія во Францію товарищи маркиза называли его не иначе, какъ „мадемуазель Фифи“. Это прозвище возникло благодаря кокетливой фигуркѣ маркиза, его тонкой талии, которую онъ затягивалъ въ корсетъ, его блѣдному лицу, на которомъ едва пробивались усны, и въ особенности благодаря его манерѣ употреблять для выраженія нанвысшаго презрѣнія французское выраженіе: „fi, fi donc“.

Этотъ кокетливый маленький офицеръ съ тонкой, какъ у женщины, талией, развлекается въ замкѣ тѣмъ, что устраняетъ въ комнатахъ взрывы и разрушаетъ драгоценную посуду, хрусталь, старинный фарфоръ, статуэтки и картины. Остальные офицеры съ удовольствіемъ и съ выраженіемъ какого-то ребяческаго любопытства участвуютъ въ этихъ взрывахъ. Увидѣвъ на стѣнѣ портретъ какой-то дамы, маркизъ прицѣпляется въ него пзъ револьвера и пробиваетъ пулями оба глаза. Другіе портреты въ фамильной галлерей замка носятъ такіе же варварскіе слѣды — дѣло рукъ того же маленькаго женственнаго маркиза: къ мужскимъ портретамъ пририсованы углемъ длинныя трубки и сигары, а у женщинъ намаделаны усы и борода.

Скучающіе въ замкѣ офицеры устраиваютъ пиришество съ участіемъ женщинъ. Изъ сосѣдняго города привозятъ нять дѣвушекъ. И въ видѣ перваго привѣта „мадемуазель Фифи“ вмѣстѣ съ пощелуемъ пускаетъ одной изъ нихъ табачный дымъ въ носъ и ротъ, такъ что та едва не задыхается. Далѣе во время кутежа „Фифи“ кусаетъ до крови губы своей дамѣ, шиплетъ ее... Затѣмъ начинается ссора изъ-за того, что пьяные офицеры стали кричать оскорбительныя фразы по адресу французовъ и Франціи. Молоденькая Рахиль не вытерпѣла и вступилась за оскорбляемую родину. Тогда храбрый нѣмецкій офицеръ, маркизъ Эйрикъ или, иначе, „мадемуазель Фифи“ ударилъ съ размаху по щекѣ дѣвучку... Та схватила столовый ножъ и убила его.“

Въ разсказѣ „Два друга“ онъ изображаетъ двухъ парижанъ, страстныхъ рыболововъ, принужденныхъ отказаться отъ этого удовольствія въ осажденномъ пруссаками Парижѣ. Оба друга — Мориссо и Соважъ — простоватые, средней руки люди, далекие отъ какой бы то ни было политики и отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ вооруженную борьбу съ врагомъ. Имъ только бы порыбачить! И вотъ въ одинъ прекрасный день пріятели находятъ возможность пробраться съ удочками за французскіе аванпосты на берегъ Сены. Забывъ все на свѣтѣ отъ наслажденія, дошедшихъ до любимаго занятія, Соважъ и Мориссо не замѣчаютъ, что какъ разъ противъ нихъ, на островѣ, находятся нѣмцы. И вотъ оба пріятели схвачены и приведены къ нѣмецкому офицеру.

— Хорошо ли вы рыбачили, господа? — насмѣшливо спросилъ ихъ офицеръ.

Нѣмецкій солдатъ, арестовавшій пріятели, положилъ къ ногамъ офицера мѣшокъ съ живыми угрями — результатъ рыбаченія. Пруссакъ улыбнулся: „Ага, я вижу, что дѣло шло хорошо... Но дѣло, собственно, не въ этомъ. По-моему, вы не чтѣ иное, какъ шпионы. Я васъ поймалъ и я васъ разстрѣляю. Но такъ какъ вы прошли черезъ аванпосты, то вы должны знать пароль для возвращенія. Сообщите мнѣ этотъ пароль, и я васъ помилую.“

Соважъ и Мориссо молчали. Офицеръ продолжалъ запугивать ихъ разстрѣломъ: „Черезъ пять минутъ вы будете на днѣ рѣки...“

Подумайте объ этомъ! У васъ навѣрное есть родители?... Затѣмъ онъ пытался узнать пароль по одиночкѣ у каждаго изъ пріятели. Но французы молчали. И тогда „четырнадцать выстрѣловъ слились въ одинъ залпъ“... Нѣмецкіе солдаты привязали къ трупамъ камни и бросили бѣдныхъ рыболововъ-героевъ въ рѣку...

Затѣмъ произошло самое отвратительное... Офицеръ замѣтилъ въ травѣ сѣтку съ блестящими угрями. Онъ поднялъ сѣтку, рассмотрѣлъ ее, улыбнулся и крикнулъ:

— Вильгельмъ!

Прибѣжалъ солдатъ въ бѣломъ передникѣ. И пруссакъ, бросивъ ему сѣтку съ угрями, пойманными тѣмъ, кого онъ только что приказалъ разстрѣлять, командовалъ:

— Изжарь мнѣ ихъ, пока они еще живы. Это будетъ отлично!

И онъ опять принялся спокойно курить свою трубку...

Эта сцена, какъ и все, чтѣ изображалъ Мопассанъ, очевидно, взята прямо изъ жизни.

Предъ нами наконецъ еще одинъ разсказъ, характеризующій съ необычайной яркостью нѣмецкую „шутливость“... Вспомнимъ о тѣхъ издѣвательствахъ и насмѣшкахъ, которымъ подвергались теперь въ Германіи русскіе. Вспомнимъ о томъ, какъ нѣмцы потѣхи ради раздѣвали до-нага женщинъ, угрожали разстрѣломъ дѣтямъ, морили русскихъ голодомъ и въ присутствіи голодныхъ людей пили и ѣли — „шутки ради“... И, вспоминая все это, прочитайте разсказъ Мопассана „Дуэль“.

Дѣйствіе происходитъ въ поѣздѣ. Господинъ Дюбюнъ, французскій купецъ, толстый и миролюбивый человекъ, ѣдетъ изъ Париза по окончанія войны домой къ жемѣ и дѣтямъ. На одной изъ станцій въ купѣ къ нему входитъ прусскій офицеръ. Вначалѣ все идетъ благополучно. Тутъ же сидятъ два англичанина-туриста и разсматриваютъ поля недавнихъ сраженій. Нѣмецъ обращается къ нимъ:

— Я убилъ двѣнадцать французовъ въ этой деревнѣ. Я взялъ въ плѣнъ болѣе ста французовъ.

Г. Дюбюнъ закрылся газетой, чтобы не принимать участія въ разговорѣ, но нѣмецъ, замѣтивъ, что предъ нимъ французъ, сталъ забавляться:

— Я взялъ этихъ негодяевъ-французовъ за уши.

И онъ поглядывалъ на г. Дюбюнъ и горделиво посмѣивался себѣ въ бороду.

— Если бы я имѣлъ надлежащую власть, — продолжалъ онъ: — я взялъ бы Парижъ и сжегъ бы все и убилъ бы всѣхъ. Долой всю Францію!

Дюбюнъ молчалъ. Молчали и англичане.

— Черезъ двадцать лѣтъ вся Европа, — да вся Европа, — будетъ принадлежать намъ. Пруссія будетъ сильнѣе всѣхъ.

Нѣмецкій офицеръ принялся смѣяться. Откинувшись на спинку дивана, онъ издѣвался надъ всѣмъ: надъ побѣжденной Франціей, надъ ея защитниками, которыхъ онъ ругалъ самыми скверными словами, надъ упорной, но неудачной защитой провинцій, надъ французской арміей, надъ ея оружіемъ. Онъ заявилъ, что Бисмаркъ построитъ желѣзныи городъ, укрѣпленный отвоеванными у французовъ пушками. И внезапно онъ положилъ свои ноги прямо на диванъ къ Дюбюну, почти на колѣни къ послѣднему. Французскій купецъ покраснѣлъ отъ негодованія, но молчалъ.

Нѣмецъ вынулъ изо рта трубку и обратился къ нему:

— У васъ есть табакъ?

— Нѣтъ, сударь.

— Когда поѣздъ остановится, я прошу васъ пойти и купить мнѣ табакъ.

И прибавилъ, смѣясь:

— Я вамъ дамъ на водку.

Когда поѣздъ остановился, нѣмецъ отдернулъ портюру и, взявъ Дюбюна за руку, промолвилъ:

— Ступайте, исполните мое порученіе. Скорѣе, скорѣе!

Дюбюнъ вырвался отъ него и бросился въ другое отдѣленіе вагона. Но нѣмецъ послѣдовалъ за нимъ и туда.

— Вы не исполнили моего приказанія? — началъ онъ.

— Нѣтъ, сударь!

— Въ такомъ случаѣ я отрѣжу ваши усы, чтобы набить мою трубку.

Нѣмецъ протянулъ руку къ лицу г. Дюбюна. Но тотъ вспыхнулъ и бросился на своего врага. Онъ повалилъ его на диванъ и сталъ бить. Явившіеся сюда же англичане съ интересомъ наблюдали, чтѣмъ это кончится. А кончилось тѣмъ, что избитый нѣмецкій офицеръ вызвалъ французскаго коммерсанта на дуэль. Дуэль состоялась на одной изъ слѣдующихъ станцій, при чемъ секундантами были любопытствующіе англичане. Г. Дюбюнъ, не сдѣлавъ, выстрѣлилъ въ своего противника и наповалъ убилъ его. Англичане взяли его подъ руки, торжественно провели обратно къ поѣзду и тамъ троекратно прокричали въ его честь:

— Hip, hip, hurra!

Этотъ разсказъ Мопассана въ прежнее время производилъ впечатлѣніе теиценціознаго пересола. Но кто же теперь послѣ всѣхъ тѣхъ издѣвательствъ, которые были продѣланы нѣмцами надъ русскими людьми, будетъ придерживатся этого прежняго мибія? Мопассанъ, очевидно, и здѣсь срисовывалъ все съ натуры. Наглость, жестокость, бессмысленная надменность и грубость сквозятъ въ каждой чертѣ нѣмцевъ, изображенныхъ гениальнымъ французскимъ художникомъ.

До свиданія на позиціяхъ!

Разсказъ Ивана Островного.

(Оккупация).

IV.

Полковникъ въ отставкѣ Алексѣй Семеновичъ Комарницкій жилъ на Петербургской Стронѣ, занимая свѣтлыя, уютно обставленныя комнаты. Служилъ ему Корнѣй, когда-то до войны, состоявшій у него денщикомъ, а потомъ, по выходѣ въ запасъ, явившійся къ нему и изъяснившій готовность состоять при немъ. И онъ дѣлалъ въ домѣ все, не допуская участія какой бы то ни было другой прислуги: варилъ обѣды, убиралъ комнаты, ходилъ на посылкахъ и со всѣмъ справлялся какъ нельзя лучше.

Такъ какъ въ этотъ день Андрею и на службу надо было притти раньше обыкновеннаго, то онъ вышелъ изъ дому въ девять и въ половинѣ десятаго былъ уже около квартиры Алексѣя Семеновича. Къ его удивленію, на звои въ квартирѣ никто не откликнулся. Это было очень странно: полковникъ никогда раньше полудня не выходилъ изъ дома. Но если даже и вышелъ, то въ квартирѣ долженъ бы находиться Корнѣй.

И такъ какъ Андрей не видался съ своимъ дядей уже недѣли три, то у него явилась мысль, не уѣхалъ ли онъ куда-нибудь изъ Петербурга. Въ послѣднее время онъ что-то сталъ жаловаться на плечо. Могъ уѣхать для лѣченія грязными ваннами, которыя ему помогали, или на своей хуторокъ, и ужъ въ такомъ случаѣ, конечно, взялъ бы съ собой Корнѣя.

И когда въ головѣ его возникло это предположеніе, мгновенно онъ почувствовалъ такъ, какъ будто у него была мучительная боль и вдругъ прошла. „Дяди нѣтъ, и ни о чемъ просить его нельзя. значить—все будетъ такъ, какъ должно“, — мелькнуло у него въ головѣ. Но увѣренности не было: поэтому онъ спустился въ дворницкую и тамъ спросилъ о дядѣ.

— А они ушли съ утра! — отвѣтили ему. — Куда—не знаю, а только, должно-быть, по военному дѣлу, потому даже ордена свои надели.

— А Корнѣй? Его нѣтъ тоже нѣтъ...

— Корнѣй пошелъ записываться.

— Куда записываться?

— А вѣдѣно, куда: на призывъ. Онъ запасной. Вотъ и у васъ обонхъ младшихъ дворниковъ берутъ. Нынче всѣ идутъ. Да вы извольте подождать. Алексѣй Семеновичъ навѣрно скоро будутъ.

Андрей остался ждать. Онъ бродилъ по улицѣ, не отходя на большое разстояніе отъ дома. „Облегченіе“, которое онъ почувствовалъ на минуту, смѣнилось еще большей тяжестью. „Всѣ идутъ... Корнѣй, который уже отслужилъ свое и чуть ли даже не воевалъ, идетъ... Два дворника пошли... Костя, Вахнинъ... Идутъ безъ принужденія, съ охотой, съ яодушевленіемъ, отдаютъ свои силы и жизни... А я пришелъ кланчить дядиной протекціи, чтобы увильнуть... Этого хочетъ Катенька, которую я люблю. Да знаетъ ли она, чего хочетъ? Не долженъ ли я пойти наперекоръ ей, хотя бы она стала отъ этого и несчастной?“

Конечно, онъ отвѣчалъ себѣ, что долженъ, но не уходилъ, поджидая дядю и зная, что все-таки будетъ „кланчить“.

„Эхъ, — говоритъ онъ себѣ: — какъ было бы хорошо, если бы дядя спустилъ меня съ лѣтницы“.

— Стой-ка, стой! — послышался невдалекѣ знакомый голосъ.

Андрей оглянулся и увидѣлъ только-что вынырнувшій изъ-за угла извозничій экипажъ. Въ немъ сидѣлъ полковникъ, который,

увидѣвъ его, схватилъ извозчика за плечо, тотъ потянулъ возжи — и экипажъ остановился.

Полковникъ соскочилъ на мостовую, ткнулъ извозчику деньги и обратился къ Андрею:

— Ты ко мнѣ, голубчикъ? Ну, вотъ, хорошо, что я тебя нагналъ... Идемъ!

— Да я уже тутъ минутъ двадцать шагаю, дядя. Звоилъ къ вамъ, но никто не отвѣтилъ. Ни васъ ни Корнѣя.

— Да, да, Корнѣй ушелъ на явку. Но ничего, у меня есть ключъ. Давно не видались. Чтѣ забываешь меня? Ахъ, да, впрочемъ, у тебя есть служба... Нѣтъ, какіе порядки... говорилъ онъ, когда они поднимались по лѣстницѣ. Казенное учрежденіе. Приѣзжаю въ девять часовъ, и мнѣ говорятъ, что только къ одиннадцати соберутся. Понимаешь? Народу тамъ, должно-быть, не одна тысяча ждетъ... А впрочемъ, это послѣ... Прежде всего я долженъ спросить тебя о женѣ. Какъ здоронье Катерины Ивановны?

Андрей довольно угрюмо отвѣтилъ и прибавилъ, что Катя кланяется ему. Они вошли въ квартиру.

Эхъ, и угостить тебя ничѣмъ не могу. Безъ Корнѣя, какъ безъ рукъ. Этакій хитрецъ, приучилъ меня къ себѣ и сталъ--

И. Владиміръ
1914.

точно какая-нибудь часть моего тела. Бѣда, братъ, намъ, одиночкамъ. Есть много преимуществъ, но и бѣда... Какъ же твои дѣла? Рассказывай. Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду. Э, я вспомнилъ: сливки кипяченныя есть, а кофе я сварю на машинкѣ. Вотъ и угостимся.

Андрей рассказывалъ о своихъ дѣлахъ,—они были самая заурядныя, и даже больше въ нихъ было пріятнаго, а тонъ у него былъ такой похоронный, какъ будто все это были несчастья.

— Ну, что жъ, отлично. Все недурно. И если еще прибавить, что у тебя есть жена, которая тебя любитъ, то и окажется, что ты одинъ изъ счастливецъ... А видя у тебя, между тѣмъ, незавидный. Не то заработался, не то съ женой поссорился...

Андрей принужденно усмѣхнулся:

— Нѣтъ, дядя, ничего такого...

— Ну, такъ тѣмъ лучше. А дѣла-то, дѣла каковы! Ну, можно ли было думать, что миръ, послѣ того, какъ онъ такъ далеко ушелъ въ науки и искусства, самъ себя, свои великолѣпные города и парки начнетъ обращать въ груды развалинъ... Ты былъ вчера на улицѣ?

— Нѣтъ, дядя, я не былъ. Катя была и рассказывала.

— А, Катя; ну, такъ она молодецъ! А я попалъ въ самую гущу... Да что со мной сдѣлалось, даже самъ не понимаю. Есть, братъ, Андрюша, что-то такое, что сильнѣе насъ. Вѣдь вотъ я—инвалидъ, съ одной дѣйствующей рукой, съ вѣчно ноющимъ плечомъ. Ужъ думалъ: нигуда не погуся. А вчера воодушевился, вскочилъ гдѣ-то на заборъ около новой постройки и сказалъ рѣчь, да какую! Откуда слова взялись. И теперь ужъ кончено: больше мирно жить не могу. И вотъ сейчасъ ѣздилъ, да оказалось, что рано... Ну, такъ опять поѣду и своего добыю.

— Чего это, дядя?

— Какъ чего? На войну, въ строй, въ ряды! Если не согласятся, такъ хоть солдатомъ поиду. Понимаешь, такое чувство, что дома оставаться нельзя. Буду днемъ и ночью чувствовать себя преступникомъ. Да какъ же! Мои товарищи, да и всѣ остальные, нѣсколько миллионовъ людей моихъ соотечественниковъ, подставляютъ грудь подъ пули и ядра, а я тутъ буду сидѣть на пенсѣи да пить кофе со сливками! Да ни за что!

— Но какъ же, дядя, вы будете воевать, когда у васъ правая рука не дѣйствуетъ?

— Что такое? Правая рука! А чѣмъ она лучше лѣвой? А я лѣвую теперь дѣйствую не хуже, чѣмъ всякій другой правой. Пусть поиробуютъ, пусть сдѣлаютъ экзаменъ моей лѣвой руке! Я, братецъ ты мой, сторонникъ мира. Что можетъ быть лучше мирной, спокойной работы каждаго за своимъ дѣломъ! Но когда этой работѣ мѣшаютъ, когда у моего родного народа нѣтъ-подъ носа хотѣть вырвать кусокъ земли, которую прежде его добыли своею кровью, такъ ужъ тутъ — нѣтъ, братъ, шалишь! Мирная работа на время въ сторону; я захопываю книжку и запираю въ шкафъ кофейную машинку. Надо обороняться... Что? Развѣ не такъ?.. Ну, а пока кофейная машинка не заперта, вотъ и кофе вскипятить. Тащи-ка изъ кухни сливки, тамъ гдѣ-то Корнѣй ихъ поставилъ, — и давай кутить, — ха-ха-ха!.. Пока мирно, а потомъ посмотримъ!.. Черезъ часъ я опять поѣду туда и ужъ вернусь домой не иначе, какъ зачисленнымъ на дѣйствительную службу.

V.

И Андрей пилъ кофе и слушалъ воинственные рѣчи дяди Леша, и ему даже въ голову не приходило сказать ему о цѣли своего посѣщенія. Ну, какъ же въ самомъ дѣлѣ! Человѣкъ, прожившій уже главную и значительно болѣшую часть жизни, лишенный руки, вѣчно страдающій отъ боли въ плечѣ, — и вотъ онъ при извѣстїи о войнѣ весь зажегся и горитъ, какъ костеръ. Глаза его блестятъ, голосъ звучитъ, какъ труба, явилась какая-то, несвойственная ему, подвижность, лицо оживилось, даже станъ выпрямился. Прямо чудо какое-то.

И этотъ человѣкъ, до сихъ поръ такъ любившій покой и свою уютную квартиру и свое безмятежное одиночество, рвется на войну, готовъ стать хоть на передовыя позиціи. И такому человѣку, въ такомъ настроеніи предъявить просьбу, чтобъ онъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ военной службы, — кого?—его, Авдрея, молодого, здороваго, сильнаго!

Нѣтъ, это невозможно. Онъ не пойметъ, онъ просто не станетъ слушать. Да и кромѣ того, Андрею самому съ каждой минуты становилось все болѣе и болѣе стыдно своего намѣренія. Оно не отъ него исходило, оно было навязано ему, — но развѣ это не все равно? Человѣку убѣжденному нельзя навязать рѣшеніе, противорѣчащее его убѣжденію. И если онъ скажетъ дядѣ, то будетъ отвѣчать передъ нимъ онъ, а не Катя.

А полковникъ ударился въ воспоминанія о прошлой войнѣ, которая сыграла такую роковую роль въ его жизни. Но ни малѣйшей горечи не было въ его словахъ. Онъ потерялъ руку, но это случайность. — онъ исполнялъ свой долгъ. Другіе, столь же храбрые, ничего не потеряли, а иные отдали жизнь. И всѣ равны передъ родиной, потому что всѣ съ одинаковой готовностью несли ей свою жизнь.

Андрюшѣ уже было пора идти на службу, но онъ не двигался. Рассказы дяди были такъ интересны и живы, что ему хотѣлось слушать ихъ безъ конца.

Въ кухнѣ щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и кто-то вошелъ.

— Это—Корнѣй!—сказалъ полковникъ и громко черезъ дверь прибавилъ:—Ну, что, вояка, записался?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — зычнымъ голосомъ отвѣтилъ изъ кухни Корнѣй:— все сдѣлано, какъ слѣдуетъ быть

— А не забраковали тебя? Не нашли, что ты отпустилъ слишкомъ большой животъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Ну, иди сюда!

И Корнѣй вошелъ и своимъ видомъ изумилъ полковника.

— Какъ! Ты уже въ военномъ?

— Такъ точно. Сразу и обрядили!..

На немъ дѣйствительно была солдатская шинель, подъ нею тоже что-то военное, а на ногахъ новыя большіе сапоги.

— Ну, скажите, пожалуйста!—говорилъ полковникъ, со всѣхъ сторонъ разглядывая его.—Онъ уже готовъ! Вишь, какъ ему повезло. Ну, такъ ѣду и устраиваю свои дѣла. Ахъ, Андрюша, вѣдь и ты тоже пойдешь. Лыгода твоя кончилась. Эхъ, если бы намъ всѣмъ тронъ въ одно мѣсто. Весело было бы.

— Да,—сказалъ Андрей:—я поиду.

— Только ужъ, ваше высокоблагородіе,—промолвилъ Корнѣй:— ежели что, такъ я въ строй. Денщика ужъ, пока что, другого возьмите. А опосля, ежели останусь цѣль, всю жизнь буду служить вамъ.

— Э, милый, какіе же на войнѣ денщики. Тамъ, братъ, генералы должны сами для себя печь картофель. Ну, а пока мы еще не на войнѣ, помогн-ка мнѣ одѣться. А когда тебѣ приказано явиться тамъ?

— Завтра къ полудню.

— Ну, идемъ же, Андрей... Тебѣ еще въ штатскомъ погулять придется до призыва, но, кажется, не долго. Призывъ навѣрно будетъ нынче раньше. А изъ тебя хорошій солдатъ выйдетъ, право! Правда, Корнѣй? Этакіхъ немного найдется.

— Андрей Васильевичъ на васъ похожъ, какъ ваме высокоблагородіе до войны были. Такіе же brave...

— Вишь, хитрецъ, косвеннымъ образомъ комплименты мнѣ говоритъ.

— Скорѣе мнѣ, дядя,—сказалъ Андрей, и они направилась въ переднюю.

Корнѣй уже былъ тамъ. Онъ распахнулъ плащъ и накиннулъ его на плечи полковника, у Андрея же не было пальто. Они вышли на улицу. Полковникъ назвалъ извозчика, усадилъ Авдрея и довезъ его до мѣста службы.

— А знаешь что,—сказалъ онъ, прощаясь съ племянникомъ: — я давно не видалъ твоей жены, а она милая, и я ее люблю. Пригласи-ка меня сегодня обѣдать.

— Но, дядя, неужели надо приглашать? Мы съ Катей всегда рады вамъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Значитъ, буду.

И онъ уѣхалъ. Андрей, придя на службу, сейчасъ же послалъ Катеринѣ Ивановнѣ записку о томъ, что сегодня у нихъ будетъ обѣдать дядя Леша, и чтобы она къ этому приготовилась. Но о своемъ свиданіи и о томъ, былъ ли у него тотъ разговоръ съ дядей, онъ не сообщалъ ни слова. Да и какъ было сообщить? Въ запискѣ онъ могъ только упомянуть о фактѣ: не просить дядю. Но все то смеленіе обстоятельство, какое случилось, и тѣ переживания, что онъ испыталъ, и что остановило его, на бумагѣ онъ не могъ описать.

Нѣкоторое время послѣ прощанія съ дядей состояніе его души было подавленное. Самъ за себя онъ уже рѣшилъ, какъ поступить: подчиниться непосредственному движенію своего сердца. Оно, это движеніе, было ясно съ самаго начала, съ того момента, какъ жена сообщила ему о войнѣ. И онъ уже пообещалъ себѣ, что такъ и поступитъ. Послѣ разговора съ полковникомъ онъ понималъ, что, несмотря ни на какую горячую любовь, тутъ нельзя сдѣлать уступки.

Но для него было еще неясно, какой оборотъ примутъ его отношенія къ Катенькѣ. Будутъ огорченіе, обида, слезы, упреки, — все это онъ приготовился мужественно перенести. Но вѣдь можетъ быть и хуже. Она сдѣлаетъ выводъ, что онъ разлюбилъ ее, и вотъ—драма.

Да, онъ слишкомъ былъ неопытенъ и вовсе не зналъ женщинъ. Если бы это было не такъ, то онъ сообразилъ бы, что, поступи онъ по ея совѣту, она же впоследствии, когда пройдетъ опасность, упрекнула бы его за слабость, и всѣ тѣ, что исполнили свой долгъ, котораго онъ по ея настоянію не исполнилъ, казались бы ей героями, а онъ трусомъ.

Но потомъ подавленное настроеніе прошло. Причиной этого были несомлаемые разговоры его сослуживцевъ, которые всѣ неожиданно оказались большими патриотами и воинственными людьми.

Работать никто не хотѣлъ. Всякія тамъ конторскія книги и цифры въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ всенароднымъ дѣломъ, которое заполонило всѣ умы, казались такими несобцими пустяками, о которыхъ не хотѣлось думать.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему работать, громоздить цифры, подводить итоги, если завтра все можетъ измѣниться, можетъ быть — новая карта Европы будетъ, и все будетъ по-новому, и вѣв эта работа пойдетъ на смарку.

Все это, конечно, было только въ первые дни неизвѣстности и тревоги, а потомъ все успокоилось, и всѣ поняли, что до новой карты Европы еще очень далеко.

Но на Авдрея это общее настроеніе произвело отрезвляющее дѣйствіе. Если все такъ неопредѣленно, неизвѣстно и непрочно,

то нечего тревожиться изъ-за какой-то личной драмы. Сколько людей сегодня улыбаются, мечтают объ устройеніи своей жизни, а черезъ недѣлю, быть-можетъ, ута ихъ сомкнутся навсегда. Такъ, по крайней мѣрѣ, у каждаго должно быть сознание, что онъ исполняетъ свой долгъ.

И тутъ ему снова вспомнились и Костя, и технологъ (котораго, какъ это ни странно, уговорила Катя), и дядя Леша, и Корнѣй, особенно эти двое, которые уже однажды исполнили свой долгъ, а теперь съ горящими глазами идутъ исполнять его вторично.

И стало стыдно даже за минуты колебанія, и какъ-то само собою рѣшилось, что Катѣ надо сказать это прямо, безъ всякихъ оговорокъ, и съ такой твердостью, чтобы она даже не рѣшилась отговаривать.

VI.

Катерина Ивановна, получивъ записку отъ мужа, принялась за усиленныя хлопоты. Она поняла дѣло по-своему: полковникъ на просьбу Андрея откликнулся не особенно охотно. Онъ вообще терпѣть не можетъ просить своихъ знакомыхъ, которые прежде были его товарищами, а теперь ушли далеко и стали важными персонами. И вотъ его надо задобрить.

Поэтому она купила его любимыхъ анчоусовъ, бутылку красного французскаго вина, а въ качестве сладкаго достала меренги, словомъ—сдѣлала, чтò могла, и порядочно-таки разорилась.

Прислуга, служившая и горничной и кухаркой, узнавъ, что дѣло идетъ о полковникѣ, приложила все свое искусство, чтобы обѣдъ вышелъ получше.

Обѣдали обыкновенно въ половинѣ шестого, когда приходилъ со службы Андрей. Къ этому времени Катерина Ивановна и ждала полковника. И хорошо еще, что она раньше принарядилась, такъ какъ полковникъ, сверхъ ожиданій, позвонилъ, когда еще и пяти часовъ не было.

Но чтò за лицо у него было, когда онъ вошелъ! Катерина Ивановна въ первое мгновеніе даже не узнала его. Онъ сбрилъ свою довольно длинную бороду и оставилъ только густые, закрученные кверху, усы и совершенно преобразился.

— Чтò? Не узнали? Помолодѣлъ? А?—говорилъ онъ, цѣлуя ея маленькую ручку.— Да ужъ, знаете, время такое, что не до бороды. Съ нею еще возись да расчесывай, да еще нѣмецъ какой-нибудь за бороду тебя таскаетъ вздумаетъ... А мужа нѣтъ еще?

— Онъ скоро придетъ,—отвѣтила Катерина Ивановна, пристально разсматривая его и дныясь перемѣнъ.— Безъ всякой лести скажу, — прибавила она:— что вы помолодѣли на десять лѣтъ,— ужъ это самое меньшее.

— Ага! Такъ и надо. Нынче стариковъ нѣтъ въ Россіи. Всѣ стали молоды. Всѣ горимъ молодымъ огнемъ... Ну, дорогая моя, — говорилъ онъ, усаживаясь на диванъ:— вы можете меня поздравить: меня приняли на службу, и я їду на войну!

— Какъ? Вы? Какимъ же это образомъ? Это въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ?

— Чтò? Въ переносномъ? Въ самомъ прямомъ, голубушка. Не хотѣли. Косились на мою правую руку: а я, знаете, какъ стала лѣвой-то продѣлывать нмъ разные штуки — и съ ружьемъ, и съ шашкой, и съ чѣмъ хотите, такъ они ахнули. Ну, однимъ словомъ, послѣзавтра їду туда, въ дѣйствующую армію.

И не только отъ снятія бороды помолодѣлъ полковникъ, а молодыми стали его глаза и движенія и голосъ. И теперь Катерина Ивановна видѣла, что между нимъ и Андреемъ ужасно много общаго. Такая же фигура и то же лицо. Только Андрей отъ копторской работы нѣсколько какъ будто завялъ, и дядя казался, пожалуй, даже моложе его.

И, должно-быть, отъ повышеннаго настроенія онъ все время говорилъ такъ что ей оставалось только слушать. Когда онъ вошелъ, она начала-было обдумывать, какъ бы перевести разговоръ на Андрея и поинтернѣ перейти къ той просьбѣ, съ кото-

рой онъ сегодня їздить къ нему. И вначалѣ нѣсколько разъ порывалась перевести на это разговоръ.

Но полковникъ заглупалъ ее своимъ зычнымъ „командирскимъ“ голосомъ. А потомъ она забыла объ этомъ и совсѣмъ не вспоминала. Рѣчи полковника были такъ интересны, столько было въ нихъ подъема и воодушевленія, что просто пріятно было ихъ слушать.

Онъ разсказывалъ о томъ, чтò дѣлается въ призывныхъ пунктахъ, какое нетерпѣніе выражается на лицахъ у призванныхъ. Никто не хочетъ ждать, а всѣмъ нетерпимо хочется, чтобы ихъ поскорѣе записали и отправили воевать.

— Да, милая, — говорилъ онъ:— эта война особенная. Воевать будутъ не специалисты-военные только, а вся Россія. Ну, просто вотъ вся сдвинется съ мѣста, помолится на востокъ и пойдетъ на западъ. Нѣмцы этого не знаютъ, и въ этомъ вся ихъ бѣда. Если бъ знали, то, можетъ-быть, поудержались бы. Они вѣдь все по цифрамъ, все у нихъ на математикѣ основано. Шпіоны имъ доложили, что у насъ столько-то войска и столько-то пушекъ да ружей, они и дѣлаютъ тамъ свои выкладки. Мы, дескать, на десятокъ солдатъ погонимъ полтора, на одну пушку поставимъ двѣ... А у насъ-то не въ пушкахъ дѣло, а въ духѣ. Русскій духъ поднялся. Вся Русь, почувявъ смертельнаго врага, встала и идетъ всей своей неукротимой мощью. Вотъ оно въ чемъ дѣло, голубушка!

Слушала эти рѣчи Катерина Ивановна и чувствовала, какъ у нея въ груди слово что-то закигается. И не только ей страннымъ казалось, что можно думать иначе, и что она иначе думала, а самой ей хотѣлось надѣть военную шинель, взять въ руки ружье и итти вмѣстѣ съ полковникомъ въ первые ряды.

— Какъ это досадно, что насъ, женщинъ, не берутъ на войну! — воскликнула она въ порывѣ воодушевленія.— Я пошла бы и научилась бы владѣть ружьемъ. Вотъ вы говорите: вся Русь идетъ. А насъ, женщинъ, оставлять. Развѣ это справедливо?

Полковникъ улыбнулся.

— И вы пойдете, дитя мое. Ружье? Но развѣ для войны нужно только ружье? Къ сожалѣнію, столько же нужны бинты, нѣжный уходъ и утѣшающая улыбка. Вы сдѣлаете все это лучше, чѣмъ мы, а для ружья ваши ручки слишкомъ малы и слишкомъ краены... А!—воскликнулъ онъ, когда изъ передней въ комнату вошелъ Андрей.— Вотъ настоящій вояка! Ужъ не знаю, какимъ онъ тамъ послѣ войны будетъ юрстомъ, а солдатъ изъ него выйдетъ прекрасный.

Когда они сѣли обѣдать, то выяснилось, что Катерина Ивановна завтра же поступитъ на курсы для подготовки въ сестры милосердія.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорила она:— нельзя такъ сидѣть, сложа руки, читать газеты да сочувствовать! Вѣсній долженъ что-нибудь сдѣлать! Вы, господа, будете сражаться, подстанлять свою грудь подъ удары неприятеля, а я буду лѣчить и утѣшать насъ.

Такъ и пронесъ весь обѣдъ. О томъ, чтò такъ удручало ее вчера и утромъ и заставило послать мужа къ полковнику, она даже и не вспоминала. Это такъ не совмѣщалось съ тѣмъ подъемомъ, который охватилъ ихъ всѣхъ тронхъ.

И потомъ, на слѣдующій день и послѣ, ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи. Она даже не хотѣла вспоминать о своей слабости. Андрей ждалъ призыва, а Катерина Ивановна началаходить на курсы.

Полковникъ же уѣхалъ на западъ вмѣстѣ съ Корнѣемъ и, уѣзжая, предоставилъ Катеринѣ Ивановнѣ свою квартиру, которая была предсмотрительно оплачена за полгода, да кромѣ того вручалъ ей нѣкоторую сумму изъ своихъ сбереженій.

— Когда научитесь ухаживать за больными, и если въ этомъ будетъ надобность— можете у меня въ кабинетѣ и въ гостиной устроить маленькій лазаретъ. Вамъ на это хватить, да я еще и оттуда пришло,— разумѣется, если нѣмецкая пуля не прошибетъ мнѣ лобъ.

А Андрея онъ на прощанье горячо обнялъ и сказалъ:

— До свиданія на позиціяхъ!

Галиційская пѣсня.

Неподвижны крылья мельницъ.
Чтò молотъ-то! Хлѣбъ не сжать.
Грустно вѣтки липы-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожатъ.

Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!

Въ день суровый бабы выли—
Не излѣчится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сына и муженька.

Да велятъ итти сражаться
Съ брагомъ русскимъ, какъ съ врагомъ...
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!

Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло вспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угро-русовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ —
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ
Знамя Бѣлаго Царя.

Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!

Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австрійковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

Женевская конвенция.

Къ 50-лѣтію со дня ея подписанія.

Среди грома орудій, въ потокахъ крови, обгазированной всю Европу, исполняется юбилей-одного изъ величайшихъ актовъ милосердія 50-лѣтіе Женевской конвенціи.

На языкѣ международнаго права война есть борьба двухъ или нѣсколькихъ вооруженныхъ и организованныхъ силъ, т.-е. армій. Борьба ведется только между этими силами и не должна затрагивать жизнь и имущество мирныхъ гражданъ. Военно-плѣннымъ считается только лицо, принадлежащее къ воюющей арміи. Военный плѣнъ является только временнымъ лишеніемъ свободы, но самъ плѣнный неприкосновененъ. Плѣнные могутъ быть употреблены на работы, но съ условіемъ, чтобы эти работы не были униженными или тяжелыми и не были военными. Плѣнный долженъ содержаться государствомъ на его средства, и приблизительно такъ же, какъ и солдаты арміи этого государства.

Гуманность нашего вѣка ввинула въ расчетъ положеніе раненыхъ и путемъ соглашенія государствъ выработала и дала имъ условія, достойныя вѣка просвѣщенія и гуманности. Актъ международнаго соглашенія относительно защиты и нейтралитета раненыхъ называется „Женевской конвенціей“ и выработанъ и принятъ въ 1864 г.

50 лѣтъ тому назадъ былъ созванъ международный съездъ представителей европейскихъ государствъ въ городѣ Женевѣ, и на немъ были выработаны основы того договора, который и носитъ названіе „Женевской конвенціи“. Собравшіеся официальные представители 16 государствъ приняли этотъ договоръ, и съ тѣхъ поръ онъ дѣйствуетъ и понынѣ. Несмотря однако на то, что приглашеніе на Женевскую конференцію было послано всѣмъ государствамъ, на засѣданія прибыли, какъ мы уже сказали, только 16. Не приехали своихъ представителей Турція, Соединенные Штаты, Персія, Японія, Болгарія, Чили, Аргентинская республика и Перу. Однако теперь къ договору всѣ они примкнули, и только одна Турція осталась свободной и не связанной Женевской конвенціей.

По точному смыслу этого договора всѣ госпитали съ ранеными, весь медицинскій персоналъ, всѣ перевязочные пункты считаются нейтральными до тѣхъ поръ, пока тамъ находится больные и раненые. Такіе пункты не могутъ быть подвергнуты ни обстрѣлу, ни плѣненію, ни нападенію со стороны непріятельской арміи, и все, что обслуживаетъ раненаго, неприкосновенно въ смыслѣ враждебныхъ дѣйствій. Весь персоналъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ (съ интендантами, санитарными и административными чинами, съ лицами, на которыхъ положена перевозка раненыхъ, съ полковыми спящихъ и пр.) неприкосновененъ, подлежатъ защитѣ и обязуются тоже не принимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ непріятельской арміи, исполняя лишь обязанности подачи помощи и ухода за ранеными.

Если непріятель займетъ территорию, на которой находится госпиталь или перевязочный пунктъ, то персоналъ такого госпиталя можетъ продолжать свое дѣло, оставаясь на мѣстѣ, но можетъ и уходить. Раненые и больные воины должны быть принимаемы на перевязочные пункты, госпитали и лазареты и признаемы, не смотря ни на національность ни на вѣроисповѣданіе. Главнокомандующіе имѣютъ право всѣхъ раненыхъ во время даже сраженія передавать немедленно на непріятельскіе форпосты, т.-е. передовые пункты непріятельской арміи. Если такіе раненые оправятся отъ своихъ ранъ, то ихъ не задерживаютъ, а отпускаютъ на родину, и только съ нихъ берется слово, что они не подымутъ снова оружія противъ отпускающаго ихъ врага въ теченіе всей войны. Если раненый или больной воинъ принятъ въ частный домъ, то и домъ уже считается подъ охраной правилъ нейтралитета. Каждый житель, принявшій къ себѣ раненаго, получаетъ извѣстныя привилегіи (освобождается отъ постоя и отъ наложенной контрибуціи).

Для того, чтобы враждующія стороны знали, кто изъ лицъ непріятельской арміи подлежитъ нейтралитету, какъ причастный къ дѣлу ухода и лѣченія больныхъ и раненыхъ, — установленъ вѣдущій отличительный знакъ: повязка на рукѣ съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Раздача такихъ знаковъ должна производиться только военной властью, а тотъ, кто надѣваетъ такую повязку, не имѣя на то права, подвергается строгой ответственности. На всѣхъ лазаретахъ, госпиталѣхъ и пунктахъ, занятыхъ ранеными, выставляется тоже флагъ съ краснымъ крестомъ. Турція вмѣсто краснаго креста употребляетъ красный полумѣсяцъ на бѣломъ же полѣ, а Японія, сохранивъ красный крестъ, разграфила его бѣлыми поперечными полосами въ четыре красныхъ четырехугольника.

Эмблемой Краснаго Креста могутъ пользоваться также всевозможныя общества, посвятившія себя уходу за больными и ранеными воинами въ періодъ войны, а также духовные рыцарскіе ордена (юанниты, мальтийцы, орденъ св. Георгія и пр.).

До основанія Краснаго Креста и до установленія Женевской конвенціи раненые оставались почти безъ всякаго призора, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда частныя лица брали на себя заботу о нихъ, они получали необходимый уходъ и лѣченіе. Такъ,

например, въ Крымскую войну миссъ Найтингаль путемъ призванія къ гражданамъ Англій собрала извѣстную сумму и, организовавъ свой отрядъ, отправилась на поле битвы. То же самое сдѣлала и Великая Княгиня Елена Павловна, миссъ Станлей и другія.

Положеніе раненыхъ было ужасно, и извѣстный швейцарскій писатель, путешественникъ и филантропъ Анри Дюна въ названіи своихъ сочиненій съ описаніемъ бѣдственнаго положенія раненыхъ созвалъ Женевскую конференцію, а вмѣстѣ съ этимъ и Женевскую конвенцію. Книга Дюна „Souvenirs de Solferino“ съ описаніемъ положенія раненыхъ вызвала откликъ во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра и поставила вопросъ объ улучшеніи судьбы раненыхъ и больныхъ воиновъ. Это-то общее сочувствіе и дало возможность появиться на свѣтъ соглашенію всѣхъ европейскихъ государствъ и организовать учрежденіе Краснаго Креста.

Постановленія Женевской конференціи впоследствии были дополнены новыми статьями, и расширены дѣйствія Краснаго Креста. Теперь Красный Крестъ можетъ участвовать и въ оказаніи помощи раненымъ при морской войнѣ. Для этого сооружаются особливныя суда-лазареты, и они пользуются такими же нейтралитетами, какъ и сухопутныя. Ихъ не могутъ обстрѣливать или захватить, какъ и весь персоналъ врачей и санитаровъ, находящихся на судахъ. Кроме того, санитаровъ не могутъ задержать даже и въ томъ случаѣ, если они находятся на судахъ, подлежащихъ захвату.

Хотя Общества Краснаго Креста и являются національными, но тѣмъ не менѣе они объединены въ международный союзъ; поэтому-то и существуетъ такъ называемый „Международный Комитетъ Краснаго Креста“, находящійся въ Женевѣ и дѣйствующій съ 1864 г. Комитетъ объединяетъ дѣйствія Краснаго Креста и слѣдуетъ за точнымъ исполненіемъ правилъ конференціи и Женевского договора.

Комитетъ выдаетъ преміи за лучшія изобрѣтенія для уменьшенія страданій раненыхъ воиновъ. Преміи эти выдаются изъ капитала въ 100.000 рублей, оставленнаго на этотъ предметъ Государыней Императрицей Маріей Феодоровной.

Организованы Общества Краснаго Креста различно въ различныхъ государствахъ. Въ Россіи Общество Краснаго Креста возникло 3 мая 1867 г. по инициативѣ фрейлины М. С. Сабининой и сейчасъ же было принято подъ покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны.

Въ мирное время наше Общество Краснаго Креста совершенно самостоятельно и не зависитъ отъ военнаго вѣдомства, а въ военное подчинено главнокомандующему арміи. Отдѣленія Общества находятся въ разныхъ мѣстахъ, и ихъ въ настоящее время около 610, но они всѣ подчинены Главному Управленію, находящемуся въ Петербургѣ. Въ Обществѣ насчитываютъ около 24.000 членовъ, и ими созданы многочисленныя больницы, общины, лѣчебницы для приходившихъ, пріемные покои и инвалидные дома, пріюты и санаторіи, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Доходы общества слагаются изъ всякихъ сборовъ, а также постоянныхъ членскихъ взносов и одновременныхъ пожертвованій. Мѣстные отдѣлы Общества Краснаго Креста 10^ю всѣхъ своихъ доходовъ отиравливаютъ въ Главное Управленіе, а изъ остальныхъ 90^ю производятъ текущіе расходы. Остатокъ дѣлится съ такимъ расчетомъ, чтобы $\frac{2}{3}$ его перечислялись въ капиталъ на случай войны, а $\frac{1}{3}$ — въ капиталъ на содержаніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ поновъ.

Въ мирное время Общество занято приведеніемъ своихъ денежныхъ средствъ въ наибольшую готовность на случай войны, и съ момента объявленія мобилизаціи всѣ расходы производятся по распоряженію и усмотрѣнію Главнаго Управленія Краснаго Креста. Военная дѣятельность нашего Краснаго Креста началась съ момента похода нашихъ войскъ въ Туркестанъ, т.-е. съ 1868 г. Русско-турецкая война застала нашъ Красный Крестъ въ состояніи уже налаженномъ и хорошо организованномъ, и онъ показалъ, какую пользу арміи можетъ принести подобнаго рода учрежденіе. Въ эту войну Краснымъ Крестомъ было перевезено болѣе 100.000 раненыхъ и больныхъ воиновъ, а въ его лазаретахъ получили медицинскую помощь 134.000 раненыхъ и больныхъ солдатъ и офицеровъ.

Нашъ Красный Крестъ оказывалъ помощь обѣимъ воюющимъ сторонамъ и въ кровавую войну Германіи съ Франціей 1870—71 гг., а также на абиссинско-итальянскомъ театрѣ войны, оказавъ помощь 30.000 раненымъ. Работалъ нашъ Красный Крестъ и въ англо-бурскую войну, и въ греко-турецкую, и въ испанско-американскую.

Такова организація и польза, принесенная учрежденіемъ, вызваннымъ гуманнымъ чувствомъ народовъ и правительствъ къ войнѣ и воинамъ. Теперь къ ихъ услугамъ десятки тысячъ врачей, сотни тысячъ сестеръ милосердія и громадныя средства, которыми располагаютъ всѣ организаціи Краснаго Креста въ Европѣ.

